

Параметры интенсивности семейного труда в крестьянском хозяйстве Европейского Севера в 1910–1920-е гг.

Для большинства исследователей является аксиомой то, что рабочая сила и ее использование в семейном производстве служат одним из главнейших элементов, которые обеспечивают устойчивость и взаимосвязь всех его параметров. Еще в начале XX в. в связи с обсуждавшимся вопросом о путях эволюции аграрного строя страны в условиях капитализации сельской экономики указанная проблема нашла отражение в публикациях российских экономистов, в частности, А.В. Чаянова [1]. Далеко не случайно, что в 1920-е гг., после завершения восстановительных процессов в деревне, в период, когда весьма актуальным становился вопрос о судьбе единоличного семейного производства и возможностях его развития в социально-экономических условиях нэпа, проблема организации труда крестьянского двора вновь привлекла внимание экономистов-аграрников [2].

В последующий период интерес к проблеме был затенен макроуровневым анализом аграрного производства в стране, и исследователи, за некоторым исключением [3], редко возвращались к данной теме. Лишь в конце 1990-х гг. вновь наметился определенный интерес к ретроспективному изучению внутренних и внешних производственных факторов, обеспечивавших эволюцию индивидуального производства в 1920-е гг. [4]. Например, в рамках оформившегося в XX веке научного направления – крестьяноведения – довольно плодотворно разрабатываются вопросы типологии семейного хозяйствования [5].

Применительно к условиям Европейского Севера России в распоряжении исследователя данного вопроса, к сожалению, находится довольно ограниченный круг документальных и статистических источников. Прежде всего, это данные бюджетных описаний крестьянских дворов, причем речь идет о так называемых полных бюджетах, в которых фиксировалось количество труда, вложенное крестьянской семьей в производственные процессы, а также материалы динамических переписей с аналогичной информацией. Сводные данные по полным «северным» бюджетам за 1922/23–1925/26 гг. в свое время были опубликованы статистическими органами разных уровней [6]. Взятые в совокупности, они позволяют выявить ряд закономерностей, присущих развитию мелкого крестьянского хозяйства, среди которых и интересующий нас вопрос об эволюции уровня трудоинтенсивности сельскохозяйственного производства крестьянского двора, разделении труда работающих членов семьи, факторах, содействовавших сохранению в деревне аграрного перенаселения. В конечном итоге изучение организации крестьянского труда, или, по выражению А.В. Чаянова, меры самоэксплуатации трудовых сил крестьянской семьи [7] позволяют более рельефно проследить уровень взаимозависимости элементов внутрихозяйственной организации двора и внешних экономических и технических условий развития деревни в ситуации, когда индивидуальное производство занимало определяющие позиции в аграрной подсистеме страны.

По заключению А.В. Чаянова, базировавшемуся на обобщении материалов земской бюджетной статистики 1910-х гг., на Европейском Севере 41,4 % от общего объема трудовых сил крестьянской семьи (в пересчете на одного взрослого работника) использовались в течение года непроизводительно [8]. Согласившись с аргументацией автора о типичности приведенных им показателей, не сложно прийти к выводу, что, очевидно, в трудовом земледельческом хозяйстве нормы напряжения труда были значительно ниже его полного использования. Причины такого положения объяснялись факторами, лежащими во внутреннем строе самой семьи, и теми условиями производства, которые обуславливали собой разную степень трудозатрат [9].

Подробный анализ бюджетной статистики 1901–1910-х гг. распределения рабочего времени в бедняцких семьях Вологодского и Великоустюгского уездов Вологодской губернии привел Г.И. Просвирину к аналогичному выводу о том, что рабочие (производительные) возможности даже бедной крестьянской семьи не реализовывались в полной мере (потери времени и праздники занимали у взрослого работника Вологодского уезда 25,62 %, у взрослой женщины – 12,70 % всего годового запаса времени). Более того, в наименьшей степени рабочие возможности семьи реализовывались в сельскохозяйственном производстве двора. В Вологодском уезде на занятия земледелием взрослые мужчины использовали только 10,44 % рабочего времени, в Великоустюгском – соответственно 9,28 %. На скотоводческое хозяйство затраты были еще меньше: в Вологодском уезде – 3,91, в Великоустюгском – 1,38 %. Невелик был вклад в развитие производительных сил двора и женских рабочих рук (соответственно по уездам на земледелие затрачивалось 14,91 и 11,85 %, на скотоводство – 9,70 и 9,91 %).

* Саблин Василий Анатольевич (Вологда) – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Вологодского государственного педагогического университета.

Домашняя работа являлась в основном уделом женщин и помогавших им девочек-подростков. В Вологодском уезде 28,90 % бюджета времени взрослой женщины и 38,20 % бюджета девочек падало на ведение домашнего хозяйства, в Великоустюгском – 74,95 и 91,40 %.

По причине ничтожных размеров крестьянских наделов, которые не могли поглотить всю наличную рабочую силу бедняцких семей, большую часть производительных затрат бюджета времени в том и другом уезде отнимали занятия промыслами (у взрослых мужчин – 54,24, подростков-мальчиков – 43,69, взрослых женщин – 33,79, у подростков-девочек – 13,01 % в Вологодском уезде, соответственно – 33,22 и 91,96 % у мужчин и подростков и лишь 3,29 % у женщин в Великоустюгском уезде). По предположению Г.И. Просвириной, более низкий процент занятости населения в промыслах в Великоустюгском уезде находил объяснение в отдаленности уезда от «торговых путей» [10].

Все вышеприведенное дает основание для выводов о том, что в северных губерниях в начале XX в. собственное сельское хозяйство в совокупности с домашними занятиями не занимали всего рабочего времени крестьянской семьи. Значительная доля времени (а у бедняка – основная часть) тратилась на занятия промыслами (от 33,22 до 54,24 % времени работников-мужчин). Промысловая деятельность в беднейших дворах служила лишь внешней формой «самостоятельности» хозяйства.

Аграрная революция 1917–1921 гг. формально обеспечила землей всех желающих. В основу передела земли был положен «едоцкий» принцип землеобеспечения. Законодательство 1920-х гг., как известно, оставило в силе этот принцип, поэтому размер крестьянской семьи и количество рабочих рук в ней сохраняли некую взаимосвязь с размером пашни или посева в хозяйстве. Но в силу того, что в крестьянской семье наличную рабочую силу стремились использовать прежде всего в своем сельском хозяйстве, и только после этого излишки ее обращались на посторонние заработки, площадь пашни служила как бы известным пределом использования наличной рабочей силы своего двора, который далее должен был распадаться на два или несколько самостоятельных хозяйств.

Средний размер крестьянской семьи на Севере на протяжении 1910–1920-х гг. постоянно уменьшался и достиг к концу периода минимальных по стране величин – в среднем около пяти человек. Соответственно сокращалось и число рабочих рук в хозяйстве. Снижение демографических параметров двора не выходило, однако, за рамки производственной целесообразности и, по нашему мнению, достигло в системе новых хозяйственных отношений 1920-х гг. определенных оптимальных величин [11].

Часть запаса рабочего времени двора постоянно расходовалась вне своего хозяйства, на промыслах, что позволяло иметь дополнительные возможности для укрепления сельскохозяйственного производства. Объем рабочей силы в своем хозяйстве в любом случае играл основную роль. «В условиях полунатурального, потребительского хозяйства, – писал один из участников экспедиции по колонизационному обследованию района средней и нижней Печоры 1928 г., – не капитал в виде орудий производства или даже мертвого инвентаря (дома, хозяйственных построек) имеет решающее значение. Главный производственный для хозяйства элемент – это физический труд, или точнее, запас рабочей силы в данном хозяйстве... В многолюдной семье с большим абсолютным и относительным числом трудоспособных членов создается тот избыток рабочих сил, который позволяет поднимать хозяйство» [12].

Прежде чем анализировать организацию труда крестьянских хозяйств, необходимо иметь представление об «урочном положении», т.е. нормах затрат рабочего времени на сельскохозяйственные работы. Необходимо отметить, что в 1927 г. была осуществлена фундаментальная публикация сведений о трудозатратах в крестьянском хозяйстве СССР, основанных на материалах бюджетных обследований 1922–1925 гг. [13]. В силу того, что в отмеченной публикации информация об урочном положении, как правило, имеет более общую порайонную группировку, обратимся к детализированным сведениям о трудоемкости основных отраслей крестьянского хозяйства Северо-Двинской губернии, составленным на основе бюджетных обследований 1924/25 г. [14].

Затраты рабочего времени на сельскохозяйственные работы в расчете на тот или иной вид работы в хозяйствах различных посевых групп не были одинаковы: в мелких хозяйствах они, как правило, были больше, в крупных – меньше. Связано это было не только с размером полеводческого хозяйства, но также и со степенью организации производства и его интенсификации. Данное обстоятельство следует иметь в виду при непосредственном анализе распределения годового запаса времени в крестьянских хозяйствах [15].

В полеводстве среди технических культур на первом месте по степени трудозатрат находилось выращивание льна. Учитывая, что лен на Европейском Севере преимущественно выращивался на подсечных участках – «новинах», льняной производственный цикл включал в себя весьма трудоемкую подготовку подсеки для посева (30,1 % всех трудозатрат), вспашку (2,7 %), сев и заделку семян (5,2 %). После созревания льна работы возобновлялись. Лен выдергивался и ставился в суслоны (11,5 %), высущился на «вешалах» (5,8 %), «околачивался» от линяных головок (7,8 %), расстипался на стлищах (9,0 %). После вылеживания льносоловку мяли (9,8 %), трепали (10,3 %) и чесали (7,8 %), получая в итоге кудель. На весь цикл работ в среднем расходовалось 239,5 дней в расчете на взрослого работника.

Из зерновых культур наиболее трудоемкой являлась рожь. Полный цикл работ по ее выращиванию от изначальной фазы до получения конечного продукта включал в себя следующие этапы:

а) подготовка почвы и посев (первая вспашка (5,1 % от всех трудозатрат)) с последующим боронованием (4,0 %), вывозка (16,4 %) и разбрасывание навоза (4,6 %), вторая вспашка (4,3 %) и боронование (2,6 %), третья вспашка (5,2 %) и окончательное боронование (3,2 %), сев и заделка семян (5,5 %);

б) уборка и первичная обработка – «жнитво» и вязка снопов (18,1 %), вывоз с поля (4,8 %), сушка в овинах (2,6 %), молотьба и веяние зерна (23,6 %). В мелкопосевных дворах весь цикл занимал 78,4 дня взрослого работника, в средних по посеву дворах – 68 дней.

Сенокосные работы могли по причине погодных условий затянуться во времени, но, в целом, не были столь трудоемки. На кошение травы тратилось 58,7 % от всего рабочего времени, на сушку сена – 18,8, «метание» сена в стога или копны – 22,5 % [16].

В животноводстве большая часть бюджета времени тратилась на работу по уходу за крупным рогатым скотом. Причем затраты времени на скотоводство (в расчете на одну голову) в мелкопосевных хозяйствах и в данном случае превышали аналогичные трудозатраты в многосеющих дворах.

Для более полной иллюстрации происходивших изменений в характере использования рабочих рук в крестьянской семье обратимся к материалам бюджетных обследований 1922–1926 гг. о расходовании годового запаса рабочего времени в крестьянских хозяйствах разных районов Европейского Севера. Основой послужили разнообразные источники, включающие разработки ЦСУ и местных статистических бюро, а также итоговые результаты первых аналитических исследований проблемы, проведенных в те же 1920-е гг. [17]. Нарушенная за годы Первой мировой и Гражданской войн и без того неблагополучная пропорция между производительным и свободным временем достигла к этому времени своей крайней минусовой точки. Логично предположить, что это было связано с дальнейшим ухудшением общей экономической конъюнктуры, голодом, перенаселенностью деревни, вызванной ускоренной обратной миграцией в северную деревню населения, в свое время полностью или частично порвавшего связь с деревенским хозяйством [18], а также возвращением демобилизованных красноармейцев [19].

Запас неиспользованного семьей рабочего времени в разных регионах Европейского Севера составлял в 1922/23 г. от 24,55 до 50,76 % от общего запаса. Распределение же производительно израсходованного времени обладало присущей начальному периоду эпохи спецификой – от 29,5 до 37,23 % своего временного бюджета северный хозяин тратил на восстановление и обустройство своего двора, серьезно деформированного в предшествующее лихолетье (около 75 % из общего количества затраченного времени).

Ускорение темпов возрождения сельскохозяйственного производства края, изменение характера экономической политики и налоговой системы постепенно приводили к исправлению диспропорций организации труда, возвращали крестьянский двор к традиционному для Севера интегрированному хозяйству. Уже в 1923/34 г. возросли объемы рабочего времени, израсходованного на развитие своего сельскохозяйственного производства (по региону с 32,86 до 35,75 % от всего объема времени). В Северо-Двинской губернии динамика этого увеличения выразилась в следующих показателях: 29,5 % – в 1922/23 г., 37,6 % – в 1923/24 г., 38,5 % – в 1924/25 г. В Карельской АССР в 1923/24 г. затраты труда крестьянского двора в своем сельском хозяйстве были наименьшими по региону – 27,28 %, что находило объяснение в замедленных темпах восстановления экономики республики.

Тем не менее, судя по средним показателям, объемы неиспользуемого в хозяйстве рабочего времени не сокращались, а наоборот обнаруживали тенденцию к увеличению: 29,0 % – в 1923/24 г., 36,48 % – в 1924/25 г. (в Крайнем Северном районе – 34,38 %), 35,46 % – в 1925/26 г. В Карельской АССР в 1923/24 г. – 31,80 %, в Вологодской и Северо-Двинской губерниях около 30,0 % от годового запаса времени (по сведениям И.П. Скворцова, объем непроизводительно израсходованного времени составлял в Северо-Двинской губернии в 1922/23 г. – 32,1 %, в 1923/24 г. – 26,7 %, в 1924/25 г. – 21,8 % [20]). В Шенкурском уезде Архангельской губернии в 1924/25 г. этот показатель даже превышал 36,0 %. Иными словами, по мере восстановления экономики крестьянского хозяйства использование труда членов семьи возвращалось к пропорциям дореволюционного периода.

В стабильной обстановке распределение рабочего времени крестьянской семьи между отдельными отраслями хозяйства, как отмечал в свое время Л.И. Литошенко, являлось довольно устойчивой и медленнее меняющейся характеристикой, чем, например, доходность двора [21]. Данное обстоятельство позволяет дополнительно выяснить удельный вес в экономике двора каждой отрасли хозяйственной деятельности. За весь рассматриваемый период в структуре затрат рабочего времени первые позиции почти повсеместно занимали полеводство, затем домашнее хозяйство и скотоводство. В Карельской АССР в 1923/24 г. процесс восстановления крестьянского производства был еще далек от завершения, поэтому домашнее хозяйство отнимало 14,14 % годового запаса времени, на втором месте среди трудозатрат двора стояло скотоводство – 11,54 % и лишь затем полеводство – 9,41 %.

Обращает на себя внимание большой объем затрат времени карельской семьи на неземледельческие занятия – 17,82 %, что в принципе вполне объяснимо, учитывая преимущественно промысловый характер сельского двора этой республики. В Шенкурском уезде Архангельской губернии в 1924/25 г. около 13,0 % от запаса рабочего времени крестьянского двора также тратилось на неземледельческие занятия.

Дополнительные корректизы в среднестатистические данные о степени «самоэксплуатации» крестьянской семьи вносит анализ бюджетных материалов с использованием посевной группировки дворов. Имеющиеся сведения об основных элементах двора Вологодской и Северо-Двинской губерний за 1922/23 и 1923/24 гг. [22], охватываю пять посевых групп крестьянских хозяйств. К первой группе отнесены дворы, засевавшие от 0,1 до 2,0 дес. пашни, ко второй – от 2,1 до 4,0 дес., к третьей – от 4,1 до 6,0 дес., к четвертой – от 6,1 до 8,0 дес., к пятой – от 8,1 до 16,0 дес. Распределение годового запаса времени во всех посевых группах дворов имело ряд общих черт.

Затраты труда на обработку своих собственных наделов земли находились на первом месте и занимали в 1922/23 г. 32,86 %, а в 1923/24 г. – 35,75 % от годового запаса рабочего времени семьи. С увеличением землебеспеченности в хозяйстве возрастали как общие запасы труда, так и его затраты на сельское хозяйство. Значительная часть времени тратилась на домашнее хозяйство (16,92 % – в 1922/23 г. и 14,04 – в 1923/24 г.), неземледельческие занятия (9,67 % – в 1922/23 г. и 6,7 % – в 1923/24 г.) и лесное хозяйство (около 5,0 % за оба года). Небольшими по объему были затраты времени на работу в чужом хозяйстве (1,48 % – в 1922/23 г. и 2,33 % – в 1923/24 г.), переработку продуктов сельского хозяйства (примерно 4,0 %), на прочие затраты, как, например, поездки в город, присутствие на сходах и собраниях, на уплату сельскохозяйственного налога и т.п. (в 1922/23 г. – примерно 4,0 %).

Расход рабочего времени на домашнее хозяйство в процентном отношении к годовому запасу складывался в примерно одинаковую пропорцию по всем посевным группам: 1922/23 г. в четвертой посевной группе домашние работы отвлекали 18,43 %, в третьей – 16,37, во второй – 16,28, в первой – 17,60 %. В 1923/24 г. – соответственно – 12,73 %, 15,41 %, 12,83 %, 15,75 %. Такого рода положение, видимо, объяснялось тем, что домашние работы были довольно однородны во всех типах хозяйств, и затраты времени на них в зависимости от размера хозяйств изменялись очень незначительно.

Большой интерес представляют данные о затратах рабочего времени на неземледельческие занятия. Не сложно заметить, что чем ниже была посевная группа, т.е. чем слабее экономически было хозяйство, тем больше рабочей силы отпускалось им на сторону. В первой группе дворов, севших до 2,0 дес. пашни, затраты времени на побочные заработки составляли в 1922/23 г. 14,51 %, во второй – уже меньше, только 6,60 %, в третьей – 3,94 %, в четвертой – 1,95 % от общего годового запаса рабочего времени. Та же динамика была присуща и 1923/24 г.

Следует заметить, что на работы в чужом сельском хозяйстве отпускали рабочую силу те же маломощные хозяйства первой посевной группы. В этих дворах затраты на такого рода работы отнимали в 1922/23 г. 2,13 % от общего бюджета времени и вместе с неземледельческими занятиями составляли 16,64 % от общего бюджета рабочего времени (в 1923/24 г. – соответственно 13,15 %). Но даже при таком сравнительно большом проценте отчуждения на сторону рабочей силы в этих дворах от 20,72 до 31,11 % рабочего времени никак не использовалось.

В 1922/23 г. наименьший в процентном отношении запас неиспользуемого рабочего времени (9,01 %) наблюдался в четвертой посевной группе (от 6,1 до 8 дес. посева) крестьянских дворов, в 1923/24 г. – в пятой (19,17 %). С большой долей уверенности такого рода крестьянские дворы можно отнести к наиболее устойчивому типу хозяйствующих субъектов северной деревни середины 1920-х гг. Однако при этом следует отметить то обстоятельство, что для характеристики северной деревни посевные группировки крестьянских хозяйств все же довольно относительны. Для полноты анализа требуется определенная корректировка показателей с учетом специфики семейного производства, носившего, как отмечалось, многопрофильный характер. Иными словами, чтобы судить о трудоинтенсивности крестьянского хозяйства, следует сопоставить данные о затратах рабочего времени (в человекоднях) двора с его производственными параметрами.

Опираясь на материалы об «урочном положении» в сельском хозяйстве Северо-Двинской губернии в 1920-е гг. и данные бюджетных обследований 1922–1925 гг., можно определить степень трудоинтенсивности крестьянских дворов различных посевых групп [23].

Рабочие нормы обработки посева и сенокоса в различных посевых группах были неодинаковы: минимальные – в мелких хозяйствах (0,3 и 0,7) и наибольшие – в более обеспеченных (1,0 и 1,8). Отсюда использование труда работников было тем интенсивнее, чем шире было хозяйство: в один и тот же сельскохозяйственный период работник высших групп обрабатывал больше работника мелких дворов посева в 3 раза, сенокоса – в 2,5 раза. Естественно, что у работников малопосевных дворов было больше неиспользованного рабочего времени.

Второй важной закономерностью являлось то, что с увеличением общего размера посева в хозяйствах разной мощности происходило уменьшение затрат рабочего времени на 1 дес. посева и в целом на 1 дес. сельскохозяйственной площади двора (от 78,4 до 42,6 дней и от 54,1 до 30,8 дней).

Третья закономерность проявлялась в том, что по мере роста обеспечения двора уменьшались затраты труда в скотоводстве в расчете на одну условную голову скота (в переводе на крупный).

Наконец, четвертая закономерность находила проявление в том, что, как уже было отмечено, рост обеспеченности дворов сопровождался увеличением трудовых затрат на свое сельское хозяйство.

В любом случае, следует говорить о большей рационализации труда средних и высших посевных групп дворов по сравнению с мелкими, с одной стороны, и о позитивных тенденциях в организации крестьянского труда в целом, с другой стороны.

Та же направленность относительной оптимизации крестьянского труда прослеживается при анализе организаций рабочего времени крестьянской семьи в «зрелый» период нэпа. Основываясь на материалах крестьянских бюджетов 1925/26 г., рассмотрим данные об утилизации годового запаса рабочего времени в трех губерниях Северного региона [24].

По мере укрупнения хозяйства затраты рабочего времени на сельское хозяйство возрастили с 25,71 % в малопосевных группах до 45,87 % в высших группах от общего запаса рабочего времени. Данная тенденция проявлялась более зримо при сопоставлении затрат рабочего времени на сельское хозяйство к общему объему утилизированного труда – от 38,53 до 59,0–60,0 %.

В разрезе губерний отмеченная закономерность проявляла себя во всей полноте. В промысловой Архангельской губернии затраты времени на свое сельское хозяйство составляли 36,87 % от всего использованного времени, в то время как в «земледельческих» Вологодской и Северо-Двинской губерниях – около 50,0 %.

Изменение затрат рабочего времени в сельском хозяйстве в различных посевных группах, как и в предшествующие годы, происходило в обратном направлении по сравнению с изменением размера затрат вне своего хозяйства – на работу по найму на промышленных предприятиях, службу в учреждениях, извоз, занятая промыслами, батрачество и поденщина в чужих крестьянских дворах. Чем меньше отнимало времени свое земледельческое производство, тем больше свободных рук находило применение вне крестьянского двора. В среднем по всем хозяйствам региона работа «на стороне» составляла около 10,0 % от всего годового запаса рабочего времени или 15,64 % от реально использованного времени (20,33 % в низших группах дворов, 4,84 % – в высших посевных группах).

Важно отметить, что бюджеты 1925/26 г. отразили ситуацию снижения затрат труда на свое сельское хозяйство по сравнению с предшествующими годами, что можно расценить как отражение процессов завершения восстановления сельского хозяйства и изменения производственной направленности крестьянского двора. Причем это снижение находило объяснение в расширенном расходовании труда вне своего хозяйства, в капитальном строительстве и ремонте инвентаря.

Тем не менее, если предшествующие бюджеты довольно отчетливо отразили процесс сокращения неиспользованного остатка времени, то бюджеты 1925/26 г. свидетельствовали о постепенном накоплении избыточного труда в крестьянской семье. Причем этот остаток накапливался абсолютно во всех типах дворов, но был особенно заметным в средних (37,90 %) и наиболее зажиточных дворах – 40,67 %. Примечательно, что данная тенденция не находила отражения лишь в крестьянских хозяйствах Архангельской губернии, что было связано, на наш взгляд, с расширенными возможностями архангельского двора использовать рабочую силу на лесных работах, и связанной с этим структурной перестройкой крестьянского хозяйствования, ориентацией двора на несельскохозяйственные источники дохода.

Вполне очевидно, что завершение восстановления крестьянской экономики (незначительной по своим размерам) при одновременном росте населения двора создавали в северной деревне достаточно серьезную проблему лишних рабочих рук.

Чтобы выяснить вопрос об изменениях в организации труда в крестьянском производстве к концу 1920-х гг., обратимся к данным о бюджете времени крестьянских хозяйств различных экономических групп Летской, Ношульской и Верхолузской волостей Сысолинского уезда Коми АО. Итоговые результаты были получены в ходе статистического обследования крестьянских дворов, проведенного в 1927/28 г. [25]. Они подтверждают вывод о том, что крестьянская семья в зависимости от внешних обстоятельств далеко не в полной мере использовала имевшееся в ее распоряжении рабочее время. Наибольшим запасом свободного времени обладали бедняцкие хозяйства (40–51 %), наименьшим – середняцкие (33–39 %) и зажиточные дворы (24–43 %).

Более детальные данные о производительном использовании рабочего времени в разных типах крестьянских дворов Летской волости в 1927/28 г. [26] приводят к выводу, что работа в собственном хозяйстве поглощала основное рабочее время абсолютно во всех экономических группах дворов. Естественно при этом, что в бедных семьях с меньшим объемом сельскохозяйственного производства затраты времени на неземледель-

ческие занятия возрастили (до 34,4 % от производительно использованного времени). С точки зрения аграрной инфраструктуры, наиболее устойчивыми являлись дворы зажиточных крестьян.

В средних дворах Ношульской волости неземледельческие заработки, такие как лесозаготовка, рыболовство, смолокурение и дегtekурение занимали 26,5 % бюджета времени, в Верхолузской – 32,0 %. Самообслуживание (домашние хозяйствственные работы, уход за скотом) – соответственно 21,5 % и 22,2 %, луговодство – 16,0 % и 12,7 %, полеводство – 14,0 % и 13,7 % от общего итога рабочего времени и т.д. [27].

Обобщая сказанное, необходимо подчеркнуть, что сам принцип организации труда определялся теми условиями производства, в которых находилась семья как хозяйственная единица. Наличие большого объема времени, затрачиваемого крестьянами на работу вне своего хозяйства и полностью неиспользованного времени, служило определенным показателем аграрного перенаселения.

Сама проблема аграрного перенаселения имела две стороны – внешнюю и внутреннюю. Применительно к крестьянской семье работа вне своего хозяйства может с определенной долей условности служить показателем внешнего перенаселения крестьянского двора. Сводные материалы крестьянских бюджетов 1924/25 г. по Крайнему Северному (Карельская АССР, Коми АО, Архангельская губерния) и Северному (Вологодская и Северо-Двинская губернии) экономическим районам позволяют вести речь об устоявшейся тенденции отвлечения работников в сферу внешнего перенаселения. Так, в малопосевных дворах (до 2,0 дес. посева) во внутрехозяйственной сфере постоянно было занято 0,6 работника, во дворах с посевом свыше 2,0 дес. – 0,4 работника. В Северном районе показатель внешнего перенаселения в среднем был ниже – лишь 0,3 работника на хозяйство. Здесь каждое хозяйство первой и второй посевных групп (до 4,0 дес. посева) во внутрехозяйственную сферу отчуждало 0,3 взрослого работника, с посевом от 4,1 до 6,0 дес. – 0,5, хозяйства с посевом свыше 6,1 дес. – 0,2 работника [28]. Таким образом, носителями внешнего перенаселения являлись по-прежнему не только малопосевные дворы, но и другие категории хозяйств. Правда, в высших посевных группах занятость вне аграрного производства явно снижалась.

В 1927/28 г. в Летской волости Сысольского уезда Коми АО в бедняцких дворах вне своего хозяйства было занято примерно 0,4 работника, в середняцких – 0,3 и в зажиточных дворах чуть более 0,4 работника. В середняцких семьях Ношульской волости за пределами двора было занято примерно 0,5 работников, в Верхолузской – 0,6 работников [29].

Вопрос о внутреннем перенаселении, на первый взгляд, решается проще. Наличие большого количества рабочего времени, которое производительно не использовалось в крестьянском хозяйстве, должно было свидетельствовать о наличии в семье работников, труд которых оставался невостребованным, либо о неинтенсивном расходовании трудовых ресурсов всей крестьянской семьи. Судя по данным «вологодских» бюджетов 1923/24 г. доля непроизводительно расходуемого времени в хозяйстве равнялась 29,6 %. Если предположить, что по условиям года в третьей посевной группе организация труда являлась оптимальной (запас годового рабочего времени использовался в наибольшей степени по сравнению с другими посевными группами), то объем неиспользованного времени в этой группе (20,5 %) можно считать нормальным [30]. Сопоставив с этим показателем неиспользованный остаток времени других посевных групп, не трудно подсчитать уровень «трудоизбыточности» хозяйств разных посевных групп. Для первой группы он составлял 10,4 %, для второй – 11,9 %. Четвертая и пятая посевные группы дворов испытывали надобность в дополнительных рабочих руках.

По мере восстановления крестьянской экономики внутренняя перенаселенность становилась фактором, имманентно присущим практически всем категориям дворов [31]. К 1924/25 г. темпы нарастания внутреннего перенаселения крестьянских дворов резко возросли. В наибольшей степени этот процесс затронул дворы, имевшие наибольшие посевные площади. Тем не менее каждая средняя семья той или иной посевной группы имела от одного до полутора «лишних» работников [32].

Разумеется, такого рода диспропорции в организации труда имели источником внутрихозяйственные факторы развития, выражавшиеся, в частности, в сезонном характере сельскохозяйственных работ. Согласно чрезвычайно интересным сведениям о сезонных колебаниях и распределении суточного запаса рабочего времени крестьянской семьи, опубликованным в свое время С.Г. Струмилиным, в зимнее время работа поглощала лишь около 9 час. суточного времени всех членов семьи, тогда как летом – свыше 14 час. Обращает на себя внимание высокая степень насыщенности женского труда, связанного в значительной степени с ведением домашнего хозяйства, которое мало подвергалось сезонным колебаниям [33].

На макроуровне типичность представленной С.Г. Струмилиным картины утилизации рабочего времени различными категориями работников крестьянской семьи подтверждается материалами бюджетного обследования крестьянских хозяйств Северо-Двинской губернии 1924/25 гг. [34].

Характер половозрастного разделения труда в 1920-е гг. был тождественен довоенному периоду времени. Работники-мужчины более других тратили время на промыслы и работу вне своего двора – на поездки и прочие отлучки по хозяйственным делам и ремонтно-строительные работы. На сельское хозяйство у них

уходило до 30,0 % рабочего времени (более всего на полеводство 13,9 %). Напротив, у женщин треть всего времени уходила на домашнее хозяйство и переработку продуктов сельскохозяйственного производства, которая производилась почти исключительно ими. Вдвое больше, чем мужчины, женщины затрачивали времени на огород и уход за скотом. В полеводческой сфере на женщин также выпадала большая часть работ.

Труд «полуработника» использовался главным образом в полеводстве, лесном хозяйстве и частично на стороне, труд «полуработницы» – почти исключительно в своем хозяйстве, в частности, в скотоводстве и направне с работницами в домашних работах, в которых работники-мужчины почти не участвовали.

Общая нагрузка на членов семьи была неодинаковой: меньше неиспользованного и праздничного времени оставалось у взрослых женщин по сравнению с мужчинами (32,8 против 48,6 %). Иными словами, уровень трудозатрат женщины-домохозяйки составлял более 3/4 всего запаса времени в год, тогда как у работника – мужчины – около 2/3, у «полуработника» – только половину.

Микроуровневый анализ первичных материалов крестьянских бюджетов Карельской АССР 1925/26 г. также подтверждает обозначенную тенденцию использования рабочего времени [35]. За редким исключением во всех крестьянских хозяйствах Карелии по причине весьма трудоемкой и являвшейся традиционно «женской» домашней работы и занятости в полевом хозяйстве объем использованного рабочего времени женщин (работниц и полуработниц) намного превосходил занятость мужчин. При этом нельзя не отметить огромный запас неиспользованного крестьянами рабочего времени, особенно в Ухтинском уезде республики, доходивший до 60,0 % от годового бюджета времени двора. Интенсивность использования женского труда по сравнению с мужским трудом в крестьянском хозяйстве Летской волости Сысольского уезда Коми АО, судя по данным 1927/28 г., была выше примерно на 9,0 % (колебания от 7,0 % в зажиточных семьях до 14,0 % в бедных дворах) [36].

Приведенные данные подтверждают вывод о сезонном перенаселении северной деревни. Зимняя безработица, поражавшая до трех четвертей всей мужской рабочей силы крестьянской семьи, являлась серьезным сдерживающим фактором внутрихозяйственного развития.

Важным дополнением к сказанному может служить наблюдение А.В. Чаянова, заключающееся в том, «что, покрыв некоторой долей трудовых усилий свои потребности и достигнув внутреннего хозяйственного равновесия, крестьянская семья в дальнейшем уже не имеет стимулов в работе» [37]. Несколько иного, но очень схожего мнения придерживался А.Г. Дербенев, который писал: «Некоторый неиспользованный запас рабочего времени всегда должен оставаться в крестьянском хозяйстве... Этот запас очень «пружинистый», он легко расширяется и легко «сжимается»... , но он должен быть; придет нужда в виде сезонных напряженных работ, в виде обремененности работника большим числом ртов, и работник сократит этот запас неиспользованного времени – пружина сожмется: пройдет нужда, делаются работы менее доходными и тому подобное, и снова «пружина запаса» может разогнуться – снова увеличится «запас». Только под давлением нужды, растущих потребностей или особой выгодности идет крестьянин на решительное сокращение своего остатка неиспользованного рабочего времени» [38]. Подобные выводы не кажутся бесспорными, но сама проблема мотивации труда во многом связана с традиционной ментальностью крестьянского социума и применительно к 1920-м гг. требует специального изучения.

В заключение следует подчеркнуть, что в более широком плане трудоинтенсивность семейного производства в деревне всецело зависела от необычайно низкой сельскохозяйственной конъюнктуры 1910–1920-х гг. На Европейском Севере с его медленными темпами развития производства диспропорции в организации крестьянского труда были особенно заметны. Дробление отцовских семей и выделение малой семьи приводили к уменьшению населения среднего крестьянского хозяйства до размеров чуть превышающих 5 человек на двор. При этом не снималась проблема организации труда членов семьи. Доля неиспользуемого рабочего времени в крестьянской семье (при высокой степени самоэксплуатации женского труда) в первой половине 1920-х гг. была несоразмерно велика. Со временем отмеченная диспропорция начинала сглаживаться, что приводило к снижению относительных показателей непроизводительно расходуемого времени. Правда, это не изменяло абсолютных показателей неиспользованного времени (человекодней). Проблема утилизации труда крестьянской семьи в условиях расширявшихся рамок аграрного перенаселения из демографической плоскости постепенно трансформировалась в плоскость социально-экономических отношений.

Источники и литература

1. Чаянов А.В. Русское льноводство, льняной рынок и льняная кооперация. М., 1917. С. 75.
2. Бруцкус Б.Д. Экономия сельского хозяйства: Народнохозяйственные основы. Берлин, 1923; Литопшенко Л.Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923; Прокопович С.Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924; Струмилин С.Г. На хозяйственном фронте. Сб. статей (1921–1925). М.; Л., 1925; Студенский Г.А. Очерки сельскохозяйственной экономии. М., 1925; Чаянов А. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; Анисков Я.А., Верминичев И.Д., Наумов К.И. Производственная характеристика крестьянских хозяйств разных социальных групп. М.; Л., 1927; Макаров Н.П. Организация сельского хозяйства. М., 1927; Диков А.И.

Организация труда в крестьянском хозяйстве. М., 1928; Он же. Крестьянское хозяйство после пяти лет НЭПа. Воронеж, 1928. Вып. 1; Либкинд А. Социально-экономическая сущность аграрного перенаселения // На аграрном фронте, 1929. № 11/12; Сулковский М. Классовые группы и производственные типы крестьянских хозяйств. М., 1930 и др.

3. См., напр.: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1977; Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х гг. как исторический источник. М., 1981. Примечательно, что в 1978 г. появилось единственное за всю советскую историю исследование Г.И. Просвириной, посвященное бюджету рабочего времени в крестьянском хозяйстве Вологодской губернии в начале XX века. Правда, оно было посвящено анализу приложения труда беднейших дворов. (Просвирина Г.И. Бюджет рабочего времени в крестьянском хозяйстве Севера в начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Историография и источниковедение северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1978. Вып. VI. С. 123-127).

4. Мельников В.И. Историческая судьба крестьянства и мелкотоварного производства: Полемики и дискуссии периода НЭПа (1921 – конец 20-х гг.). Н. Новгород, 1999; Полубина И. Б. Крестьянское хозяйство в России: теория и практика. Барнаул, 1999; Телицын В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М., 1998; Шайдуллин Р.В. Крестьянские хозяйства Татарстана: проблемы и пути их развития в 1920–1928 гг. Казань, 2000 и др.

5. См. подробнее: Гордон А.В. Типология семейного хозяйствования в крестьяноведении (90-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 1999. М., 1999. Вып. 3. С. 5-25.

6. Гильберт И. Бюджет крестьянского хозяйства за 1923–24 год. (По обследованию 1924 года) // Экономика и статистика Карелии. № 1–3. 1925. Петрозаводск, 1926. С. 100-114; Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. 1. Северный район. 2. Уральский район. Труды ЦСУ. М., 1926. Т. XXXI. Вып. 1; Крестьянские бюджеты 1924–1925 гг. М., 1928; Крестьянские бюджеты 1925/26 гг. М., 1929; Крестьянские бюджеты 1925–26 г. Основные материалы. М., 1929; Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. Вып. 1. Труды ЦСУ. М., 1924. Т. VIII. Вып. 5; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год. Архангельск, 1926; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы. Вологда, 1926.

7. См. : Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 232.

8. Данные приведены по: Деларов Д. И. Опыт экономической характеристики Севера. (К вопросу о выработке программных заданий Обл. Опытной Станции по с.-х. делу) // Север, 1924. № 1. С. 110.

9. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство... С. 238.

10. Просвирина Г.И. Указ. соч. С. 123-126.

11. См. подробнее: Саблин В.А. Основные тенденции демографического развития деревни Европейского Севера России в 1917–1920-е годы // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 261-268.

12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 7. Д. 3652. Л. 238-239.

13. Урочное положение на сельскохозяйственные работы в связи с техникой полеводства (по данным крестьянских бюджетов 1922/23, 1923/24 и 1924/25 гг.). М., 1927.

14. См.: Скворцов И. «Средние нормы выработки» в крестьянском хозяйстве Северо-Двинской губернии // Бюллетень Северо-Двинского губернского статистического бюро, 1926. № 2. С. 10.

15. По употребляемым статистическим нормам годовой запас времени взрослого работника принят равным 360 дням.

16. Скворцов И. «Средние нормы выработки»... С. 5-7.

17. Гильберт И. Указ. соч. С. 107; Дербенев А.Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1923–24 г. на основе изучения его бюджета. Великий Устюг, 1925. С. 12; Статистический ежегодник. 1922 и 1923 гг. Вып. 1. Труды ЦСУ. М., 1924. Т. VIII. Вып. 5. С. 338; Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. Вып. 1. Северный район. 2. Уральский район. Труды ЦСУ. ТXXXI. Вып. 1. М., 1926. С. 391-392; Крестьянские бюджеты 1924–25 г. М., 1928. С. 14-15; Крестьянские бюджеты 1925–26 г. Основные материалы. М., 1929. С. 2-8; Скворцов И.П. Бюджет времени крестьянина Северо-Двинской губернии // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Великий Устюг, 1925. Вып. 1. С. 56; Скворцов И. П. Бюджет рабочего времени северо-двинского крестьянина // Северное хозяйство, 1926. № 1. С. 14-15; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год. Архангельск, 1926. С. 112; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 гг. Вологда, 1926. С. 75; Национальный архив Республики Карелия. Ф. 700. Оп. 1. Д. 11/82. Л. 25, 67.

18. Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 233.

19. Саблин В.А. Основные тенденции демографического развития деревни Европейского Севера России в 1917–1920-е гг. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв. XXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы док. и сооб. (Тамбов, 15-18 сентября 1998 г.). М., 1998. С. 137-139; Он же. Основные тенденции демографического развития деревни Европейского Севера России в 1917–1920-е гг. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 261-268.

20. Следует иметь в виду, что в «северо-двинских бюджетах» годовой запас времени был исчислен в объеме 300 дней, что составляло примерно 82,2 % от принятого нами годового запаса времени в 360 дней. Соответственно, все показатели по этой губернии нуждаются в увеличении примерно на 18 %.

21. Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. ... С. XXI.

22. Там же. С. 391-392.

23. Скворцов И.П. Бюджет времени крестьянина Северо-Двинской губернии... С. 54, 60, 61; Он же. Бюджет рабочего времени северо-двинского крестьянина ... С. 17-20.
24. Крестьянские бюджеты 1925–26 г. ... С. 3-8.
25. Государственной учреждение Республики Коми РК «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК НАРК). Ф. 139. Оп. 1. Д. 472. Л. 101–103; Ф. 407. Оп. 1. Д. 277а. Л. 124.
26. ГУ РК НАРК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 472. Л. 101-103; Ф. 407. Оп. 1. Д. 277а. Л. 124.
27. Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 277а. Л. 126.
28. Подсчитано по: Крестьянские бюджеты 1924–25 г. ... С. 14-15.
29. Подсчитано по: ГУ РК НАРК. Ф. 407. Оп. 1. Д. 277а. Л. 125-126. Анализ опубликованных результатов гнездовой сельскохозяйственной переписи 1927 г. по Коми автономной области также приводят к выводу о том, что свыше половины дворов (от 38,2 до 74,2 %) отпускали своих работников на неземледельческие заработки, в том числе около 12,3 % дворов на срок в 76 и более дней. (см.: Коми область. Краткий статистический справочник. Сыктывкар, 1929. С. 64-65).
30. Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы ... С. 79.
31. Тем самым подтверждаются выводы на этот счет, сделанные в свое время отечественными историками (см., напр.: Бокарев Ю.П. Указ. соч. С. 186-193).
32. Бокарев Ю.П. Указ. соч. С. 192; Скворцов И. П. Бюджет рабочего времени северо-двинского крестьянина ... С. 12; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы... С. 75.
33. Струмилин С. Рабочее время крестьянина // Крестьянин в XX веке. М., 1925. С. 161-162.
34. Скворцов И.П. Бюджет времени крестьянина Северо-Двинской губернии... С. 58.
35. В 1925/26 г. учет рабочего времени в крестьянских бюджетах Карелии был проведен далеко не во всех дворах. Из многочисленных первичных бюджетных бланков удалось отобрать лишь девять, в которых были зафиксированы сведения о годовом запасе рабочего времени и его расходовании в крестьянской семье. Тем не менее полученная выборка позволяет получить представление о бюджете времени крестьянских хозяйств различных регионов республики, так как четыре бюджета (Н.И. Кемова, В.Ф. Валдаева, Е.Ф. Валдаева и В.Е. Сергеева) относились к самому северному региону Карелии – Ухтинскому уезду, остальные бюджеты (А.М. Новалова, П.И. Климоева, И.К. Андреева, В.Т. Паниева и Ф.Е. Мартынова) охватывали центр и юг Карелии – Петрозаводский, Олонецкий и Пудожский уезды. Согласно разработочным бюджетным лентам, хозяйство А.М. Новалова было образовано в 1912 г. На момент обследования насчитывало четыре едока. Хозяйство П.И. Климоева – соответственно в 1918 г. и пять едоков, И.К. Андреева – в 1895 г. и семь едоков, В.Т. Паниева – в 1921 г. и шесть едоков, Ф.Е. Мартынова – в 1900 г. и восемь едоков, Н.И. Кемова – в 1900 г. и семь едоков, В.Ф. Валдаева – 11 едоков, Е. Ф. Валдаева – в 1885 г. и четыре едока, В.Е. Сергеева – 11 едоков (см.: Национальный архив Республики Карелия. Ф. 659. Оп. 5. Д. 7/53. Л. 1, 18, 74, 94, 113, 129, 253, 270, 271, 288, 344, 360, 397, 414-415, 432-433, 450).
36. ГУ РК НАРК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 472. Л. 104.
37. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство... С. 347.
38. Дербенев А.Г. Указ. соч. С. 15.